

ЧЕЛОВЕК В КУЛЬТУРЕ

Э.А. Азрояни

О НАЧАЛАХ И СМЫСЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура есть одно из самых многослойных и многозначных, многотоликуемых явлений человеческого мира и возникает из постоянно продолжаемого процесса одновременно антропоморфизации мира и биологизации культурных явлений. Будучи связана с «животной природой» человека, культура в то же время есть свидетельство достижения человеком новой ступени в развитии человеческой психики, открывающей ему космические возможности.

Ключевые слова: культура; человек; смысл; биология; природа; психика.

The culture is one of the most polysyllabic and the multiple-valued, multiinterpreted phenomena of the human world and there are from constantly continued process at the same time antropomorfization of the world and a biologization of the cultural phenomena. Being connected with «the animal nature» of the person, the culture at the same time is the evidence of achievement of a new step by the person in development of the human mentality opening for him space opportunities.

Keywords: culture; human; meaning; biology; nature; psyche.

Культура как особая взаимосвязь природного и социального. Природа взаимосвязи природного и социального в человеке достаточно активно и давно обсуждается, но до сих пор эта проблема не получила общепринятого решения. Даже родившаяся на этой почве новая наука «социобиология» не достигла желаемого результата, зафиксировав две крайности. Первая – это, по сути, стремление к антропоморфизации исследуемых явлений и практически прямое применение понятий социологии к биологическим феноменам. Вторая – биологизация тех же явлений путем использования поня-

тийного аппарата биологии для описания социального поведения как животных, так и человека. Истина, как всегда, находится где-то между ними.

Рассматривая эту проблему, нельзя пройти мимо такого вопроса, как наличие или отсутствие сознания у животных. Как всегда, у науки однозначного ответа нет – их два. На одном краю те, кто признает у животных наличие сознания, на другом те, кто это отрицает. В июле 2012 г. на конференции в Кембридже была принята Декларация о Сознании, в которой утверждалось, что люди не уникальны во владении неврологическими механизмами, генерирующими сознание, а вместе с ним и намеренное (сознательное, целенаправленное) поведение. Согласно этой декларации сознание присуще всем млекопитающим, всем птицам и многим другим животным, в частности некоторым насекомым и головоногим моллюскам (например, осьминогам и кальмарам). Мы разделяем данную точку зрения. К этому мы хотели бы добавить еще одно очень важное мнение многих ученых, в частности Э. Митчелла, о том, что сознание не определяется только мозгом, который по-своему фактически ограничивает сознание. Сознание можно определить как способность субъекта – в зависимости от объема и структуры мозга – получать, дешифровать и оперировать информацией из некоего предположительно глобального поля сознания. В таком варианте становится понятной возможность существования полевых надорганизменных форм сознания, участвующих в управлении групповыми образованиями.

Коллективные формы организации и поведения наблюдаются начиная уже с микроорганизмов и демонстрируют множество вариантов решения проблем координации поведения, в том числе такого сложного, как организация семьи, коммуникации и т.п. А. Марков (см.: Марков, б.г.) утверждает, что бактерии проявляют различные формы своего рода социального поведения, способности к контактному и дистанционному общению и формируют многоклеточные коллектизы, структура которых во многом напоминает сообщества высших животных, а по некоторым свойствам сравнима даже с человеческим социумом. Ярким проявлением целостности микробных коллективов является формирование надорганизменных структур, т.е. образований, не принадлежащих никакой из клеток в отдельности, но важных для жизни колонии как целого.

Во всей полноте в животном мире представлены формы брачных и семейных отношений. После того как живой мир около 2,5 млрд лет назад разделился на мужскую и женскую половины, носители двух противоположных генов нашли много разных способов для встречи. Сложились традиционные способы сватовства, подарков, танцев, песен, турниров. Система брачных отношений представлена исчерпывающим количеством форм: моногамные семьи – постоянные и на один год, полигамные (гаремы), полиандрии (связь с несколькими самцами) и, наконец, промискуитет. Известны три вида семьи: родительская, в которой оба родителя, материнская – только мать с потомством и отцовская – только отец с потомством.

Кроме явной выгоды, которую получают животные при образовании сообщества, существует еще мало изученное, но достаточно очевидное преимущество коллективного образа жизни. У общественных видов животных основной системой регулирования взаимоотношений внутри сообщества является система иерархии, которая строится в основном на феноменах доминирования и подчинения. Структуру сообщества делает более сложной и многообразной функциональная специализация.

Животные, ведущие коллективный образ жизни, используют широкий спектр способов сигнализации для передачи информации (его условно называют «язык животных»). Это язык запахов, язык звуков, язык жестов (движений), язык красок и т.п. Сообщая результаты изучения «языка танцев» пчел, О. Менninger писал: «...мир вынужден признать, что передавать информацию в символической форме может не только человек – это способно делать такое скромное создание, как пчела» (Менninger, 1982, с. 88). Ж.И. Резникова говорит о том, что зафиксирован факт возможности передачи муравьями информации абстрактного характера дистанционным путем (Резникова, 2011, с. 288). И вообще многие виды животных с высоким уровнем коллективной организации обладают развитой коммуникативной системой, совпадающей по многим характеристикам с языком человека.

Типы коллективной организации и поведения в животном мире весьма многообразны и не выстраиваются в одну сплошную восходящую линию. Более того, они не выступают как продукт эволюции, будучи разбросаны по всему полю живого от микроорганизмов до млекопитающих и отличаясь не совпадающей логикой

масштабов и уровней организации. Например, организация и коллективное поведение у термитов, муравьев и пчел гораздо сложнее и разнообразней, чем у приматов. Можно утверждать, что формы организации и коллективного поведения в природе не имеют прогрессирующего характера и не обнаруживают преемственности. Они не пересекаются и существуют параллельно и одновременно, не являясь предметом конкурентной борьбы. Типичное поведение в его коллективных формах может передаваться по наследству вместе с характером структуры мозга, которая служит своеобразной «матрицей», на которой отпечатываются приобретаемые навыки. Группа хранит эти навыки и передает их от одного поколения к другому.

В животном мире все происходит без осознания поведения и его последствий. Действуют инстинкты и наработанные группой типовые реакции, или, как их называют некоторые ученые, популяционный (стадный) инстинкт. Однако у стада не может быть инстинкта, а вот коллективное бессознательное – вполне. Почему бы в таком случае идею коллективного бессознательного и архетипов не применить к пониманию животных? Наверно, многие труднообъяснимые явления стали бы понятными.

Гораздо большего внимания заслуживает проблема коллективного бессознательного и архетипов. В разработке этой проблемы велика заслуга К. Юнга. Коллективное бессознательное, по мнению К. Юнга (Юнг, 2010), – это «духовное наследие всего, что было пережито человечеством», «предпосылка каждой индивидуальной психики», «коллективная, универсальная и безличная природа, идентичная у всех индивидов». «Архетипы настолько близки к инстинктам, что можно предположить, что они представляют собой бессознательные образы самих инстинктов. Являясь регулятором психической жизни, они выступают как априорные формы психической деятельности людей и возникают спонтанно» («Коллективное бессознательное и архетип»). При этом К. Юнг отмечает, что архетипов «ровно столько, сколько есть типичных жизненных ситуаций. Бесконечное повторение отчеканило этот опыт на нашей психической конструкции – не в виде заполненных содержанием образов, но прежде всего как формы без содержания, представляющие только возможность определенного типа восприятия и типа действия». Коллективное бессознательное, по мнению К. Юнга, состоит из совокупности архетипов.

Существует и иная научная позиция, которая не противоречит теории К. Юнга о коллективном бессознательном и архетипах, а в некоторой мере соприкасается с ней, дополняя и позволяя взглянуть на нее под новым углом зрения. Достаточно широко известна школа русского космизма, яркими представителями которой были Н. Федоров, К. Циолковский, В. Вернадский, И. Ефремов, А. Чижевский, Н. Умов. Большое количество работ посвящены проблемам связи человека с космосом, особенностям его психики, возможным формам существования полевого сознания и т.п. Достаточно назвать такие фамилии, как В. Налимов, Н. Козырев, П. Олдак, А. Дубров, В. Пушкин, В. Бойко, В. Дятлов, А. Дмитриев, Г. Николаев, В. Казначеев, А. Гурвич, А. Кузин и еще многие другие, кого мы упоминали выше. Для примера приводим несколько цитат, акцентируя внимание на таких фразах: «семантический вакуум» (В. Налимов), «пневматосфера» (П. Флоренский), «особая форма космического полевого фрактала» (В. Казначеев), «биогравитационное поле» (А. Дубров, В. Пушкин), «надорганизменная сущность» (П. Олдак).

П.А. Флоренский в письме к Вернадскому от 21 сентября 1929 г. писал о существовании в биосфере или на биосфере того, что можно было бы назвать пневматосферой, т.е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в кругооборот культуры, точнее, круговорот духа.

Академик РАН В.П. Казначеев в статье «Научная картина мира и живое вещество», посвященной итогам работы Международного научно-исследовательского института космической антропоэкологии, пишет: «Вероятно, “первичность” природы интеллекта у человека формировалась на основе полевого типа компьютера: 14–15 млрд нейронов мозга объединяются в единое солитоноголографическое пространство. Эти пространства (потоки) объединяют группу людей (род) в единое интеллектуальное “ пятно” (часть космического интеллекта)» (Казначеев, 1999, с. 15). В другой работе этого автора «Ноосферное строительство планеты в космическом пространстве – это новая эпоха ее эволюции и эволюции живого вещества» утверждается, что эпоха ноосферности, как космическая, выдвигает другую горизонталь, другую программу о природе нашего сознания, интеллекта. Если это сознание присутствует в живом веществе, в клетках растительных, животных, у всех форм, заселяющих водные просторы и т.д., то само сознание человека есть не только производная межнейрональных многомилионных

взаимосвязей и не только известных центров, но и особая форма космического полевого фрактала в планетарно-космическом пространстве.

Если принять точку зрения о реальности полевых форм жизни (что мы и делаем), тогда на теорию К. Юнга о коллективном бессознательном можно посмотреть несколько иначе. Источником коллективного бессознательного, его матричной основой являются семантический и канонический вакуумы (согласно нашей гипотезе), которые в той или иной форме сопровождают все материальные образования. Эта матрица представлена праформами, или формами без содержания, наполняется конкретным опытом живых субъектов, который архивируется в ячейках матрицы, превращаясь в архетипы, а в своей совокупности представляя коллективное бессознательное. Доступ к этой информации имеют те, кто пережил этот опыт (предки, потомки, группа, вид, род). Архетипы и коллективное бессознательное, которые они формируют, связаны с отражением и реакцией на типичные жизненные ситуации. Иначе говоря, это расширение проблемы взаимоотношений с внешней средой, выработка предельно эффективных механизмов адаптации. Это своеобразное продолжение инстинктов, расширение горизонта и способов реагирования на изменения.

Начиная осознавать себя и окружающий мир, человек, как существо любопытное, стал задавать себе множество вопросов: что? как? почему? Непонятное, страшное, удивительное находило отражение в мифах, сказаниях, легендах, что-то формировало ритуалы, обычай, табу. С развитием мышления и рефлектирующего разума становится доступным осмысление интуиции и вдохновения. Это уже другой уровень и способ контакта, возможность связи с вселенским полем разума. Представляют это поле все те же семантический и канонический вакуумы, несущие в себе праформы идей, концептов, программ и законов. Интуиция и вдохновение, воображение и рефлексия, появляющееся знание формируют идеальную надорганизменную структуру, которую можно обозначить как сверхсознание, имеющее коллективную природу.

Таким образом, природа подготовила того, кто должен был стать человеком, выключив один и включив другой источник и пространство развития. Биологическая эволюция исчерпала себя, возник самосознающий разум, порождающий новые социальные формы жизни. Наработанные природой, так называемые праформы

коллективной организации и группового поведения, «оплодотворенные» сознанием и мышлением, стали предтечей, формирующей принципиально новое явление социальности как первичного звена культуры. Социальность как «гибридный продукт», взойдя на природной почве, развивалась уже по идеальным программам. Творя человека, социальность в меру расширения поля культуры как бы растворяется в ней, становясь составной частью ее многочисленных структурных элементов, приобретая новые формы и новое содержание.

Понятие культуры в его содержании, структуре и организации. По словам Г. Зиммеля, «тот пункт, где происходит смена сил развития, обозначает границу между природным и культурным состояниями» (Зиммель, 1996, с. 475). В гуманитарном знании это понятие является, пожалуй, самым масштабным по уровню обобщения, самым сложным по структуре своего пространства и разнообразным по темпам динамики и векторам развития. Естественно, все это говорит о высоком уровне абстракции данного понятия. Игнорирование данного факта привело к образованию множества самых разных определений, число которых продолжает приумножаться. Так, по подсчетам американских культурных антропологов А. Крёбера и К. Клакхона, с 1871 по 1919 г. различными науками было дано множество определений культуры, число которых возрастало год от года. В связи с этим Г. Зиммель писал также о том, что тот, кто говорит о культуре, должен ограничить для своих целей многозначность этого понятия.

По нашему мнению, понятие «культура» имеет предельный уровень абстракции, и потому определение этого понятия должно иметь соответствующий этому уровню масштаб обобщения. Все остальные определения, сколько бы их ни было и сколько их еще будет, попадают в категорию частных определений, поскольку любое определение культуры, исходящее из перечня ее структурных элементов, функций и других аспектов, всегда будет неполным. Определение должно опираться на фундаментальное свойство, отражающее всю полноту сущности понятия «культура», и быть лаконичным. Академик РАН Д.С. Лихачев считал, что культура – это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из простого населения – народом,нацией. Нам представляется, что таким целостным образом могли бы

стать выражения: «искусственная среда обитания», «неприродная реальность» или, по Г. Зиммелью, – «особая форма жизни».

Любое определение по своей природе есть ограничение; оно демаркирует границы поля того или иного понятия. Наличие множества определений, на которое мы указали в случае с определением понятия «культура», говорит об их неполноте и наличии количества границ, равных числу определений, – настоящая понятийная междоусобица. Подобная же ситуация наблюдается и с понятием «эволюция». Вряд ли подобное положение повышает результативность научных исследований.

Обратим внимание на другую сторону этой проблемы. Возьмем для примера ряд понятий: «культура», «доминирующая культура», «субкультура», «контркультура» и «антикультура». Соотнести их по смысловой нагрузке можно разными способами: как автономные, одно как часть другого, как входящие все или частично в понятие «культура». Выбор зависит от позиции исследователя, и встретить на практике можно все варианты. Мы хотим обратить внимание на такую не бросающуюся в глаза особенность, что в нашем примере только первое понятие «культура» не имеет прилагательного, все же остальные сопровождаются соответствующими уточняющими прилагательными; и в этом заложен глубокий смысл. Прилагательное в понятии – явный признак того, что у этого понятия есть другое, частью которого оно является. С этой точки зрения, таким целым является понятие «культура», а все остальные входят в него как его части. С нашим выводом наверняка не согласится ряд ученых, особенно те, кто считает совершенно автономной антикультуру, но к этому вопросу стоило бы вернуться позже.

С нашей точки зрения, структура культуры может быть представлена следующим образом. Вертикальный разрез, или, иначе говоря, культурная «пирамида», представлена от основания до вершины: фундамент – культуры этнические; первый этаж – культуры национальные; второй этаж – культурно-исторические типы (цивилизационные культуры); и, наконец, вершина – мировая, или глобальная, культура, представленная пока некоторым набором универсалий (см. схему 1).

Схема 1.
Культурная пирамида

Поскольку этническая культура целиком погружается в национальную, а последняя не всегда полностью включается в соответствующий культурно-исторический тип, дальнейшее рассмотрение структуры мы будем строить на основе национальной культуры. В национальной культуре можно выделить четыре сегмента и записать их в виде уравнения вида: Культура = Доминирующая культура + Субкультура + Контркультура + Антикультура. Три последних элемента уравнения не имеют четко выраженной, постоянной структуры. Их структура, как правило, фрагментарна и в высокой степени изменчива. Доминирующая культура определяет вектор развития государства и базируется на культурах входящих в него этносов. В культуре этноса мы выделяем ядро культурной общности, которое представлено этническими языками и архетипами, слагающими коллективное бессознательное этноса. Этнические ядра культурной общности формируют ядро национальной культуры, которое также представлено языками и архетипами. В исторических координатах времени ядра различных уровней иерархии возникают и формируются со значительным интервалом. Первыми формируются этнические архетипы и языки. Их возникновение можно отнести к доисторическому периоду, ко времени перехода от процессов природных к процессам культурным. Начало

формирования ядер культурно-исторических типов можно отнести к эпохе «косового времени», т.е. ко времени возникновения мировых религий. В свою очередь, ядра национальных культур возникают как следствие формирования национальных государств. Первичная роль в ядре культурной общности принадлежит архетипам. Это практически инварианты, укорененные в подсознании человека и работающие по принципу генетического кода, т.е., по сути, программы первичной социализации человека. На ближайшей к ядру орбите в схеме располагается религия. Причем, так же как ядро культурной общности может включать в себя несколько этнических ядер, так и первая орбита может разместить соответственно несколько религий, на основе которых, как правило, формируются субкультуры. В свою очередь, религия может включать в свою орбиту ряд ядер культурной общности, прирастая к ним, частично деформируясь и воспринимая определенные этнические мотивы. Ядра культурной общности, в свою очередь, адаптируют в себе ряд черт религии, оставляя внешне одинаковую для всех форму, но вкладывая в нее свое исходное содержание. Это взаимное прорастание архетипов и религий создает практически непроницаемую оболочку, которую в конечном итоге принимают за само ядро, что в общем-то не так далеко от истины. На почве религий зарождались и формировались искусство, философия, наука, которые по мере развития сепарируются и превращаются в автономные области культуры. В своей совокупности все они вместе с религией формируют культурно-исторические типы и национальные культуры. Религия обрамляет архетип, искусство оформляет и создает образность религии. В отличие от религии, наука, философия, мораль, искусство формировали свою организацию в процессе культурогенеза иначе. Они уходят от оболочки ядра на все большее расстояние (скорость дрейфа индивидуальна), оставляя тонкий слой своей первичной сущности, соответствующий природе ядра в форме архаичных по своему содержанию мировоззренческих установок, суеверий, обычаев и традиций, ценностных и эстетических предпочтений, фольклора. Образно говоря, степень удаленности от ядра определяет меру восприимчивости к изменениям. Чем дальше от ядра, тем восприимчивость к изменениям выше, чем ближе – тем более нарастают консервативность и сопротивление изменениям. По этому принципу мы выстраиваем схему структуры культуры. На внешней (пятой) орбите размещаем эко-

номику, науку и массовое искусство. На четвертой орбите – право и западную философию. На третьей орбите расположены: классическое искусство, воспитание, образование, восточная философия. На второй орбите – народное творчество, социальные отношения и мораль. Первая орбита представлена религией и мифами. Итогом сказанному может служить схематическая модель, приведенная ниже (схема 2).

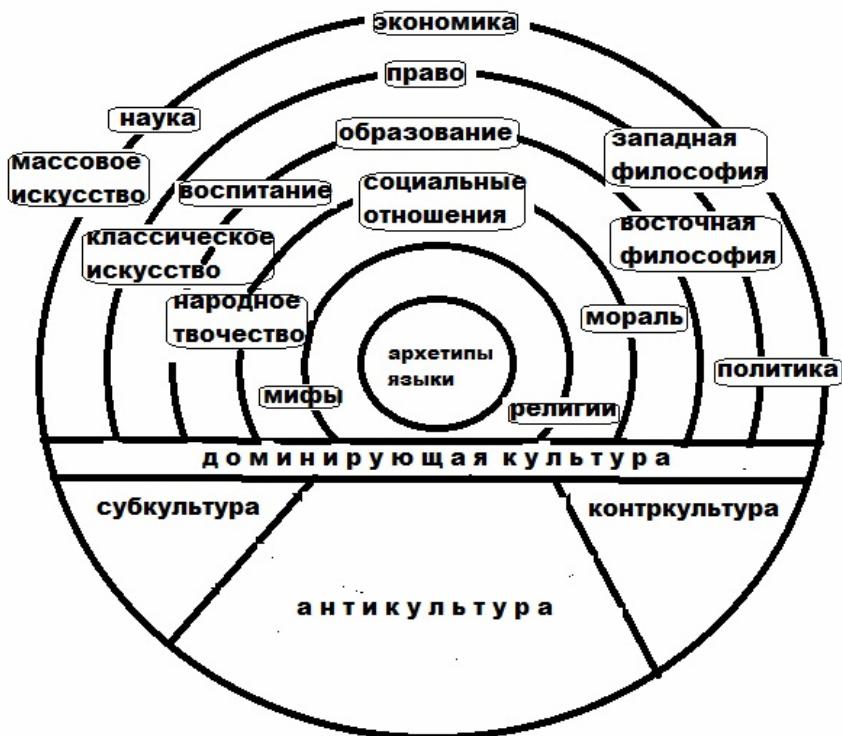

Схема 2.
Структурные элементы культуры

Культура включает в себя все формы, в которых жизнь выражается, символизируется, самоосознается и воспроизводится. Это мнение Г. Зиммеля, который пошел еще дальше, утверждая, что динамика культурных форм в самом широком смысле является

предметом истории. Иначе говоря, история и культура в определенной мере являются синонимами. Суть понятия «культура» по факту своего возникновения и последующего семантического расширения принадлежит миру идеального, искусственного. Центром любой культуры, ее источником являются идеи, которые осмысливаются, превращаясь в концепты, теории, проекты, и актуализируются в продуктах духовного и материального производства. В продукты культуры они превращаются человеком, его желанием. Культура есть совершенно новое явление (во всяком случае, для нашей планеты), выходящее за пределы природы, и, принимая на себя роль источника развития, она вытесняет с «пьедестала» такую модную эволюцию.

Человек есть единственный субъект культуры, создающий ее как свою жизненную среду и одновременно формирующейся под ее воздействием. Пространство культуры, в которое погружен человек, противостоит ему как находящаяся вне его реальность, как объективная культура. Это противопоставление субъективной (личной) и объективной (внешней) культур может стать основой процесса освоения человеком культурного пространства. Личная культура по своим масштабам и глубине сопричастности с целым представляет широкий спектр индивидуального восприятия культурных форм и потребности использования ее в своей жизнедеятельности. Культура всегда целочастна в своей полноте, тогда как культура личная индивидуальна в своей дифференцированной частности. Отдельные ученые, определяя культуру, делают серьезный акцент на таком элементе культуры, как отношения. Например, В.М. Межуев прямо утверждает: «Культура – мир не вещей, а отношений» (Межуев, 2010, с. 2). Конечно, с позиций философии и с точки зрения философа, подобное утверждение в определенном контексте может иметь основание, но это требует объяснений, ведь отношения – это только часть культуры. Оппозиция субъект – объект в нашем случае не есть выражение крайностей, имеющих внешние границы: все их противоречия разрешаются внутренними процессами. Объект противостоит субъекту не как что-то внешнее, поскольку субъект полностью погружен в него, более того, является его частью. Сам человек находится за границей понятий «объективная культура», «субъективная культура», но является создателем одной и носителем другой. Эта нерасторжимость человека и культуры закольцована процессами ее производства и потребления.

Организуя эти процессы, человек активно в них участвует: творя, производя и потребляя. Личная культура есть идеальный конструкт в чистом виде. Это набор культурных форм, при помощи которых индивид функционирует в обществе себе подобных. Однако они могут иметь двойкий характер. Одни, укоренившиеся в индивидуе, отражают его действительную сущность, а другие используются конъюнктурно, с целью обмануть или произвести определенное впечатление, не характерное для него. Кроме того, воздействие духовных ценностей, норм морали, законов и правил на человека носит не равнозначный, а относительный характер – от безусловного исполнения до полного игнорирования. Восприятие человеком культурных форм в течение всей его жизни зависит от его окружения (носителей различной субъективной культуры), доступности тех или иных областей и продуктов культуры и целого ряда других факторов (например, места жительства, характера власти, типа государства и т.п.). В результате каждый человек обладает индивидуальным «культурным вооружением», а все они вместе представляют разноспособное, разновоспринимающее и разнореагирующее на возникающие ситуации общество. Таким образом, массовое поведение людей в определенной степени хаотично и может представлять некоторый аналог детерминированного хаоса, в который постоянно вбрасываются из общественной жизни новые события, меняющие динамику и траектории развития.

Современную структуру культуры вряд ли кому-либо удастся описать полностью из-за ее неограниченно и постоянно изменяющейся сложности. Во-первых, это количество самих культурно-исторических типов, национальных и этнических культур – с их внутренней структурой. Во-вторых, внутри культуры более десятка различных областей культуры. В-третьих, каждая область культуры имеет множество направлений, стилей и течений. В-четвертых, растущим структурным многообразием отличаются наука (количество дисциплин), философия (предмет и школы), политика (растущий спектр партий), экономика (теории), религии (конфессии и секты) и т.д. Кроме того, сюда следует отнести комплексы духовных ценностей, моральных норм, законов и символов. Элементы этого множества обладают собственной динамикой, взаимно не совпадающей ни по скорости, ни по направленности. Найти закономерность в подобном хаосе движения пока никому не удалось (если это вообще возможно). Установлен характер этого движения,

его типы. Их всего два. Первый характеризуется непрерывностью (линейностью) и может быть мысленно предсказуемым. Второй – это бифуркация (или, по Ю.М. Лотману, «взрыв»), которая характеризуется как прерывность, нелинейность и непредсказуемость. Ю.М. Лотман в своем последнем интервью говорил: «В искусстве адекватного нет... Это сфера непредсказуемого». Представляется, что границы данного утверждения можно расширить, заменив слово «искусство» словом «творчество», и добавить, что оно идет по многим дорогам.

У культуры как изначально идеального (духовного) продукта есть особенность, которая заключается в том, что с ростом «объема потребления» (освоения) она не уменьшается в объеме своего информационного пространства, а увеличивается, т.е. имеет анти-энтропийное свойство. Культура умирает только тогда, когда ее прекращают потреблять. (Причины этого могут быть различны: от «нечего» до «некому».)

Список литературы

1. Зиммель Г. О сущности культуры // Зиммель Г. Избранное: Философия культуры. – М.: Юристь, 1996. – Т. 1. – С. 475–481.
2. Казначеев В.П. Научная картина мира и живое вещество // Вестник Междунар. науч.-исслед. ин-та косм. антропоэкологии. – Новосибирск, 1999. – № 6. – С. 9–20.
3. Марков А. Социальная жизнь микробов. – Режим доступа: http://elementy.ru/genbio/synopsis/237/Biosotsialnost_odnokletochnykh_na_materiale_issledovaniy_prokariot (Дата обращения: 28.06.2016.)
4. Межеев В.М. Рассуждения о культуре культурологии: Культурология в контексте современного гуманитарного знания // Культурологический журнал. – М., 2010. – № 2. – С. 1–6.
5. Менninger O. Поведение животных: Вводный курс. – М.: Мир, 1982. – 360 с.
6. Резникова Ж.И. Когнитивное поведение животных и его развитие в онтогенезе // Теория развития. – М.: Языки славянских культур, 2011. – С. 279–315.
7. Юнг К. Психология бессознательного. – М.: Когито-центр, 2010. – 352 с.